



АРХЕОЛОГИЯ



С. Э. Чернов

СФРАГИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ МОГУТОВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДЫСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII ВЕКА. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

ШЕРНА – ГОРОДОК: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Историческая идентификация Могутовского археологического комплекса основана на свидетельстве писцовой книги 1623/1624 г., в котором существующая до наших дней деревня Могутово упоминается как «*Могутово Шеренское городище тож*»¹. Данное упоминание позволило надежно идентифицировать комплекс археологических памятников у д. Могутово с городком Шерной, известным по духовным и договорным грамотам великих московских князей².

Первое упоминание «Шерны городка» содержится во второй духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. «Шерна городок» назван в грамоте в числе «*московских волостей*», приданных к создаваемому Дмитровскому уделу сына Дмитрия Донского князя Петра Дмитриевича³. Земли волости Шерна-городок принадлежали Дмитрию Донскому уже в момент выдачи меновой грамоты чернецу Савве, который получил земли на Медвежьих озерах взамен своего села Воскресенского Верх-Дубенского, локализуемого в пределах этой волости. Грамота эта датируется периодом 23.05.1381–23.08.1382 или осенью 1382–29.06.1383⁴. О существовании волости Шерна в духовных грамотах московских князей 1336–1359 г. данных нет. Поскольку эта волость никак не могла быть новообразованием третьей четверти XIV в., надо думать, что она входила в состав великого владимирского княжения, земли которого великие московские князья до Дмитрия Донского не включали в свои духовные грамоты. В то же время в источниках нет каких-либо свидетельств о том, что волость Шерна входила в состав переславских земель. К этому вопросу мы еще вернемся по ходу изложения материала.

После смерти кн. Петра 05.02.1428 г. волость Шерна, так же как и волость Воря и вообще весь его удел (кроме волостей, оставшихся за его вдовой Евфросиньей), перешла к кн. Юрию Дмитриевичу Звенигородскому, и позднее оспаривалась Василием II. В написанной около февраля

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 03-01-18021е. Начало статьи см.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2003. № 2 (12). С. 5–33.

¹ 7131/7132. Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах: Шеренском и Отъезжем и Васильцове, письма и меры Л. Кологривова и Д. Скирина (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 1010 об., 1011).

² Юшко А. А., Чернов С. Э. Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.) // Советская археология. 1980. № 2. С. 123, 124.

³ ДДГ. С. 34.

⁴ Обоснование датировки см.: Чернов С. Э. Пехорский бортный стан: реконструкция структуры землевладения XIV–XVI в. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М. (В печати).

1433 г. духовной грамоте кн. Юрий Дмитриевич передавал «городок Шорна» Дмитрию Шемяке, однако эта духовная грамота не была реализована⁵. После завершения феодальной войны (1456) волость «Шерна городок» вошла в состав владений великих князей: она упоминается в духовной грамоте Ивана III 1504 г.⁶ и Ивана IV 1577–1579 г.⁷ На первый взгляд упоминание в этих документах волости с таким названием косвенно свидетельствует о том, что укрепленное поселение продолжало функционировать по меньшей мере до 1577–1579 г. Однако такой вывод опровергается описанием волости, проведенным в 1543 г. Роспись сошных окладов 1543 г. в разделе «*Волость Шеренка а в ней д(с)р(с)вни черные отданы детям боярским в поместие*» упоминает: «*за Васюком за Бизюкою за Ивановым с(ы)ном д(с)р(с)вня Могутово а сошныя пашни пол пол пол трети сохи*»⁸. Таким образом, в 1543 г. поселение имело уже статус деревни и, судя по всему, ограничивалось ее территорией. Городок к этому времени скорее всего уже не функционировал. Память о нем сохранялась лишь в названии волости.

Судя по перечню селений волости в «Росписи сошных окладов», составленной по писцовым книгам 7051 (1543) года кн. Р. Д. Дашкова и Ф. Г. Адашева (отца члена «Избранной рады») (по волости Шерне — после 1547 г.)⁹, писцовых книгах 1576–1578 и 1584–1586 г.¹⁰ волость «Шеренка» (как она стала называться во второй половине 1570-х г.) охватывала бассейны рек Шеренки и Дубенки, достигая на востоке р. Мележи (Рис. 5. VII). Деревня Могутово располагалась в центре волости.

ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ 1177 г. И РЕКОНСТРУКЦИЯ ТРАССЫ ДОРОГИ ИЗ МОСКВЫ В ПЕРЕЯСЛАВЛЬ. Первое упоминание местности, в которой располагалась Шерна, содержится в Лаврентьевской летописи под 1177 г. в рассказе о завершающем этапе борьбы за владимирский престол, последовавшей после убийства кн. Андрея Боголюбского. После описания сокрушительного поражения, которое владимирцы и переяславцы под руководством Всеволода Юрьевича нанесли на Липице 27 июня 1177 г. ростовцам и суздальцам, возглавляемым Мстиславом Ростиславичем, последний бежал в Новгород, но не был принят новгородцами: «*Он же ѡха из Новагорода Рязаню и подьмолви Глѣба Рязаньскаго князя зятя своего. Глѣбъ же на ту осень приѣха на Московь и пожже городъ весь и села. Князь же Всеволодъ поѣха к нему, и бывшю ему за Переяславлемъ подь Шерньскимъ лѣсомъ, в то же время приѣхали к нему новгородци Милонѣжькова чадь и рекоша ему: “княже! не ходи без новгородскихъ сыновъ, поиди на нь одиной с нами”. Князь же Всеволодъ послушавъ Новгородецъ,... възвратися Володимерю, а Глѣбъ, пожегъ Москову, иде Рязаню*»¹¹.

Из данного известия видно, что Всеволод двигался из Переяславля в Москву, когда — «*подь Шерньскимъ лѣсомъ*» — к нему приехали новгородцы (Рис. 1). Следовательно, Шернский лес нужно искать где-то в бассейне р. Шерны и ее правого притока реки Шеренки, в бассейне которой в XIV в. располагалась волость «Шерна-городок». Однако указанные бассейны рек охватывают обширное пространство, поэтому для определения местоположения «Шернского леса» необходимо возможно точно локализовать трассу дороги из Переяславля в Москву (Рис. 5). От этого зависит, в какой степени данное известие может быть использовано для понимания места Могутовского археологического комплекса в системе укреплений Владимиро-Суздальского княжества в этом районе.

⁵ ДДГ. С. 74. Чтение текста духовной грамоты по В. Д. Назарову (Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России XII—начало XX в. М., 1975. С. 55).

⁶ ДДГ. С. 354.

⁷ ДДГ. С. 434. Дата духовной грамоты Ивана IV по: Юрганов А. А. О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. № 6.

⁸ ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 637. Л. 295 об.

⁹ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 303. Кн. 637. Л. 283–287.

¹⁰ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. С. 11–18; 254–264.

¹¹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 382, 383.





Рис. 1. Шерна-городок в системе укрепленных поселений западной части Владимиро-Суздальского княжества второй половины XII–XIII в. Схема. I – убежища XIII–первой четверти XIV в.; II – городки XII–XIII в.; III – открытое поселение XII–XIII в.; IV – города второй половины XII–XIII в.; V – участок дороги из Волока Ламского к Москве; VI – участок дороги из Киева в Ростов (между Переяславом и Москвой); VII – место битвы на Ждане горе (1135 г.); VIII – район Шерны-городка (Рис. 5); 1 – Никольское Мытищи (археологический комплекс у Балашихинского городища в урочище «Лисья гора»); 2 – Воря (археологический комплекс городища Царево-1); 3 – городок Шерна (археологический комплекс городища у д.Могутово); 4 – археологический комплекс Громковского городища; 5 – Воскресение у Боровского перевоза (археологический комплекс у городища Боровский курган) 6 – Воиницкий мыт у Спаса на Востоке (археологический комплекс в районе 1-го Спас-Тушинского городища); 7 – Дубна (поселение у с. Ратмино); 8 – городище у с. Городище (Клещин); 9 – центр переславской волости Великая слобода (XV в.), маркирующий зону освоения XII–XIII в.; 10 – место «старой Переяславской лесной дороги», упоминаемой в меновой грамоте Дмитрия Донского на земли Спасской пустыни на Медвеьем озере (1381–1383 г.).



В источниках XIV–XV в. упоминается три дороги из Москвы на Переяславль. В меновой и жалованной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича 1381–1383 г. на пустынь Спасо-Преображения на Медвежьих озерах упоминается «великая дорога Старая Переяславская лесная»¹² (Рис. 1. 10). Само название этой дороги свидетельствует о том, что она возникла задолго до 1380-х г. и функционировала в 1380-е годы наряду с новой дорогой на Переяславль. В этой новой дороге есть все основания видеть дорогу, пролежавшую через Радонеж. Первое упоминание о ней содержится в «Житии Сергия Радонежского» при описании событий княжения вел. кн. Ивана Красного 1353–1359 г. Эта дорога именуется «великим и широким путем вселюдским», однако каких-либо указаний о ее древности в «Житии» нет¹³. Наиболее ранние поселения в районе Радонежа (близ пересечения этой дорогой рек Пажи и Вори), а также в районе села Подсосенья (близ пересечения этой дорогой реки Торгощи) возникают в последней четверти — конце XIII в.¹⁴ Именно этим временем и следует датировать проложение Радонежской Переяславской дороги. Что касается третьей Переяславской дороги, Хомутовской (она пролегла между Радонежской и Стромьинской и пересекала р. Вору в районе современной деревни Воря-Богородское), то источники прямо фиксируют ее появление в середине XV в.¹⁵ Таким образом, устанавливается, что наиболее ранней из дорог между Москвой и Переяславлем являлась «Старая Переяславская лесная» дорога, пролежавшая через район Медвежьих озер.

«Старая Переяславская лесная» уверенно идентифицируется со Стромьинской дорогой, которая пролегла в XVII–XVIII в. через села Красное, Черкизово и Пехра. Обогнув Медвежье озеро с севера¹⁶, дорога вела к р. Клязьме, которую пересекала между селами Аниськино и Городищи. В 7 верстах от р. Клязьмы дорога пересекала р. Вору (в ее нижнем течении) у д. Громково и пролегла далее по водораздельным лесам через д. Черноголовь к селу Стромьинь, расположенному близ основанного в 1379 г. Успенского Стромьинского монастыря¹⁷.

Если трасса Стромьинской дороги от Москвы примерно до села Стромьинь вполне уверенно идентифицируется с «Старой Переяславской лесной» дорогой 1380–1382 г., то для следующего ее участка подобная идентификация вызывает серьезные сомнения. От села Стромьинь дорога в XVII–XVIII в. пересекала реку Мележу близ впадения Мележи в р. Шерну, переходила р. Шерну у села Филипповского и вела вверх по р. Шерне около 10 км (Рис. 5. II). Затем, перейдя через узкий водораздел между р. Шерной и р. Киржачём, дорога выводила к Благовещенскому монастырю на Киржаче, основанному Сергием Радонежским около 1377 г. и вела на Юрьев Польской¹⁸.

Совершенно очевидно, что с какого-то места трасса Стромьинской дороги, ушедшей в сторону Юрьева Польского, и трасса «Старой Переяславской лесной» дороги 1381–1383 г. расходились. Последняя должна была пролегать в направлении север-северо-восток, к верховьям

¹² АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 340. С. 338.

¹³ Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца // Клосс Б. М. Избранные труды. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. Т. I. С. 332. Трасса выявлена археологически: Чернов С. З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 420. Рис. 5. X.

¹⁴ Чернов С. З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в конце XIII — первой половине XIV в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 4. Труды Музея истории города Москвы. Вып. 11 (в печати).

¹⁵ В грамоте Ивана III, датированной 1467–1474 г., и освобождавшей от постоев жителей сел Скнятинового и Эдигеевского, говорится: «и на те деи у них села и деревни пролегла дорога не пошлая Хомутовская, да ставятся деи у них в тех селех» (АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 360).

¹⁶ На этом участке дорога выявлена археологически (Чернов С. З. Округа Москвы в XIII–XVI в. // Природа. 1997. № 4. Карта на с. 67 — между № 2 и 4).

¹⁷ Трассу Стромьинской дороги см.: План Московского уезда Московской губ. 1797 г. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2358); План Богородского уезда Московской губ. 1784 г. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189); Топографическая карта Московской губернии, составленная съ топографической съемки, произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная в Военно-Топографическом Депо. 1860 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387).

¹⁸ Трассу дороги см.: План Киржачского уезда Владимирской губ. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 27/197). Дата основания монастыря на Киржаче по: Кучкин В. А. Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 82, 83.



р. Шерны, именовавшимся рекой Серой, где в XV в. известна волость Великая слобода, и далее на север к Переславлю (Рис. 1).

На уровне гипотезы могут быть рассмотрены два варианта трассы старой Переяславской дороги (Рис. 5). Либо от Филипповского она вела вверх по р. Шерне, либо отходила от трассы позднейшей Стромьинской дороги раньше, между д. Черноголовка и с. Стромьинь, и вела через городок Шерну и далее по водоразделу между реками Мележей и Шерной. В XVIII—XIX в. через этот водораздел, который до наших дней на пространстве в 20 км занят сплошным лесным массивом, существовала лишь одна дорога (через селения Крутец, Жары и Махра), которая точно соответствует направлению от д. Могутово (Шерна-городок) на село Старая Слобода (центр волости Великая слобода).

В нашем распоряжении имеются источники, которые могут прояснить вопрос, по какому из этих двух направлений пролегла в конце XIV—XV в. Старая Переяславская дорога. Речь идет о комплексе поземельных грамот на село Филипповское на Шерне, принадлежавшее Московскому Чудову монастырю¹⁹.

Во второй половине XV — начале XVI в. южная граница земель села Филипповского с землями великокняжеского с. Мелецкого была описана дважды. Первый отвод был произведен между 1462 и 1471 г. дьяком вел. кнг. Марии Ярославны Федором Долматовым, второй — писцом Ивана III В. И. Голениным 8.02.1504 г.²⁰ Хотя в первом описании ведется от р. Мележи, а во втором — от Шерны, они упоминают те же самые ориентиры. Границы эти локализируются на основании Плана Киржачского уезда генерального межевания. Граница 1462—1471 г. (Рис. 5. V) начиналась от р. Шерны и вела вдоль северной окраины нынешней д. Дворищи, а затем водоразделом через Першин и Нефедовский колодцы к р. Мележе. Конечной точкой служило Нестерово болото южнее д. Рожково, которое, судя по описанию, оставалось на чудовской стороне. Граница, описанная в 1504 г. (Рис. 5. VI), начиналась от Нестерова болота и, оставляя земли Рожкова и Захарова слева, пролегла через те же Першин и Нефедовский колодцы. Отсюда она отклонялась от трассы 1462—1471 г. и вела южнее д. Дворище. С юга к границе примыкало великокняжеское село Мелецкое, ныне не существующее, но показанное на Плана Киржачского уезда²¹.

Эти границы должны были пересечь трассу Стромьинского тракта, который вел через с. Филипповское, показан на Плана Киржачского уезда конца XVIII в. и сохранился до наших дней в лесу в виде кюветов (Рис. 5. II). Однако ни описание 1462—1471 г., ни описание 8.02.1504 г. этой дороги не упоминают²². Видимо, в этот период дорога на Киржач и Юрьев еще не была проложена²³.

В грамотах на с. Филипповское дважды упоминаются «старые дороги». В правой грамоте Василия I, которую публикаторы датировали временем около 1416—1417 г., описан участок границы села Филипповского «по старую дорогу к селу Филипповскому». Близ этой дороги располагались «деревни и луги городецкие»²⁴, которые являлись предметом земельного спора. Поскольку

¹⁹ АСЭИ. М., 1958. Т. III. № 31, 32, 38, 41, 46; Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV—XVI века из архива Московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 2. С. 3—22; Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 36—52 (Акт № 8).

²⁰ Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века. С. 47, 48; АСЭИ. Т. III. № 46. С. 66, 67.

²¹ Натурное обследование, проведенное в июле 2002 г., показало, что село Мелецкое располагалось южнее существующей д. Дворищи, там, где Шерна вплотную подходит к коренному берегу, между кирпичным зданием лесничества конца XIX в. и нынешней окраиной д. Дворищи. Название исчезнувшего села сохранилось в наименовании недавно построенной в пойме Шерны улицы д. Дворищи, которая носит название «Подмелецкая слобода».

²² В разъезде 1504 г. значатся многие ориентиры, в том числе «дорошка... от Мелецкого селца к Филипповскому селу» (см.: АСЭИ. Т. III. № 46). Если бы на пути межевщиков оказалась большая дорога из Москвы в Юрьев Польской, они обязательно указали бы ее.

²³ Следует учесть, что в июне 1501 г. дорога в районе Медвежьих озер уже именовалась Стромьинской (см.: АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 424). Следовательно, тогда она уже пролегла через Стромьинский монастырь (близ современного села Стромьинь), но еще шла на Переславль. Возможно, она вела через д. Стояново по трассе дорог, сохранившихся до XIX в. (Топографическая карта Московской губернии. 1860 г.).

²⁴ АСЭИ. Т. III. № 31.



«*городецкими*» здесь могли быть лишь луга, относившиеся к городку Шерне, их можно локализовать на р. Мележе выше Захарова, там, где Филипповская вотчина соприкасалась с территорией волости Шеренка (Рис. 5. VII). Следовательно речь идет о дороге из Шерны-городка в с. Филипповское.

Наиболее раннее описание границ земель села Филипповского содержится в Отводной грамоте, данной по слову вел. кн. Дмитрия Ивановича между 12.02.1378 и 20.07.1379. Оно звучит следующим образом: «*А отвод тем землям – по Великую Шерну, по Федоровской исток, по обе стороны Меленжи, по старую дорогу, по березовой мосток, по Кошенку*»²⁵. Данное описание принадлежит к типу ранних кратких описаний границ, которые локализуются с большим трудом. Положение, однако, облегчается тем, что в нашем распоряжении имеется изображение границы земельной дачи села Филипповского на Плана Киржачского уезда генерального межевания конца XVIII в.²⁶. Двигаясь вдоль последней, мы обнаруживаем один за другим древние ориентиры (Рис. 5. III, IV). Федоровский исток локализуется на основании разъезжей грамоты Федора Долматова (1462–1471). Он располагался на р. Шерне в 7 км ниже устья Мележи и отмечал «*рубеж*» переславских земель с московской волостью Куней²⁷. Следовательно, под «*Великой Шерной*» надо понимать течение р. Шерны ниже впадения р. Мележи. Далее граница пролегает по реке Мележе²⁸. Такие ориентиры, как «*старая дорога*» и «*березовый мосток*», сами по себе не могут быть локализованы. Однако вслед за ними следует упоминание р. Кошинки. Это правый приток р. Шерны, который впадает в нее в 3,5 км к северу от Филипповского. По Кошенке от устья до истока пролегла северо-восточная граница земель села Филипповского (Рис. 5. III). Следовательно «*старая дорога*» и «*березовый мосток*» маркируют северный участок границы Филипповских земель. Обращаясь к Плану Киржачского уезда конца XVIII в., обнаруживаем, что граница от р. Мележи почти до самых верховьев Кошенки шла вдоль той самой дороги через Крутец и Жары (Рис. 5. VIII), которая выше была гипотетически реконструирована как второй вариант прохождения Старой Переяславской лесной дороги.

Итак, может быть принят второй вариант локализации Старой Переяславской лесной дороги – через городок Шерну и водораздел рек Мележи и Шерны (Рис. 1. VI)²⁹. В таком случае «*Шерньский лес*» можно локализовать на этом водоразделе. Текст летописного известия 1177 г. можно понять таким образом, что князь Всеволод Юрьевич, двигавшийся от Переяславля к Москве, прошел населенную территорию в верховьях р. Серой и подошел к безлюдному и покрытому сплошным лесным массивом участку дороги на водоразделе рек Шерны, Молокчи и Мележи. Именно здесь «*приѣхали к нему новгородци Милонъжкова чадь*», настоявшие на том, чтобы князь отказался от похода на помощь Москве.

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в. НА ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ДОРОГЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ. Судя по археологическим данным, в последней четверти XII – первой трети XIII в. Переяславская дорога между Шерной и Москвой пролегла по населенному краю. Курганный могильник известен на верхней Дубенке (у д. Беседы). В районе перехода дороги через р. Ворю известно четыре селения с курганными могильниками (Кармолино, Громково на устье р. Пруженки, Медное Власово, Бирлюкова пустынь). На берегах Клязьмы, в районе пересечения реки дорогой, известны курганные

²⁵ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива Московского Чудова монастыря. С. 10. Грамота № 1.

²⁶ План Киржачского уезда Владимирской губ. 1-я часть (РГАДА. Ф. 1356. Д. 27/198).

²⁷ Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV – начала XVII века. № 8. С. 47.

²⁸ Граница по р. Мележе с включением участков на ее правом берегу у д. Захарово и Рожково, которые описаны в грамотах, сохранилась до нашего времени в виде административной границы Московской и Владимирской областей.

²⁹ На карте видно, что трасса Стромьинской дороги вплоть до д. Черноголовка ведет в направлении на север-северо-восток и как бы нацелена на Шерну. В 4 км от д. Черноголовка она поворачивает направо, на северо-восток, и ведет далее через села Стромьинь и Филипповское.



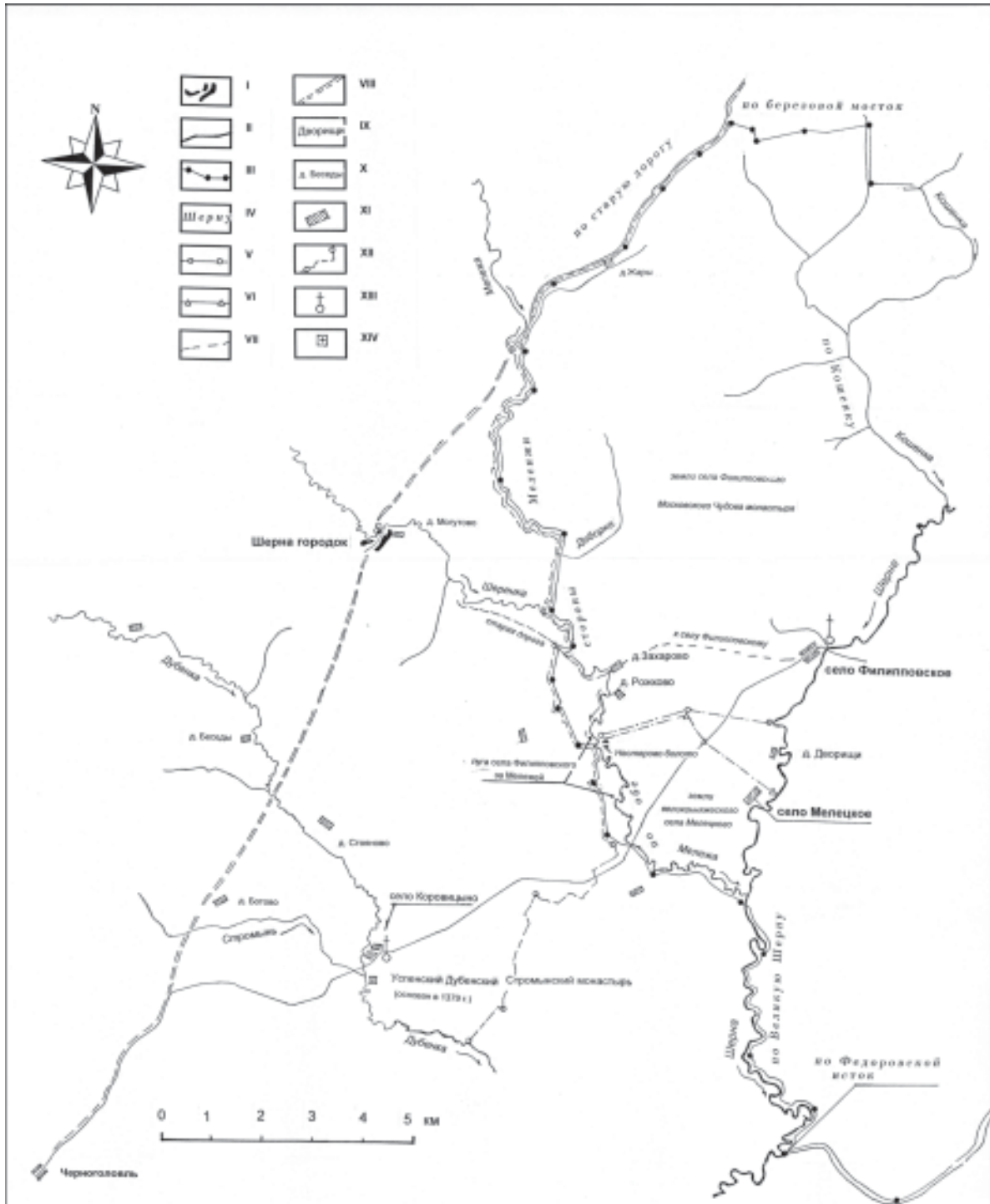


Рис. 5. Район Шерны-городка в конце XIV – начале XV в. Карта. I – Шерна городок (Могутовский археологический комплекс); II – трасса Стромьинской дороги из Москвы через Стромьинский монастырь и Киржач на Юрьев Польской по плану Богородского уезда Московской губернии 1784 г. (РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189), Киржачского уезда Владимирской губернии и Топографической карте Московской губернии (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387); III – границы земель села Филипповского Московского Чудова монастыря по отводной грамоте Михаила Константинова сына Дорожаева (12.02.1378–20.07.1379); IV – географические ориентиры, упоминаемые отводной грамоте Михаила Константинова сына Дорожаева (12.02.1378–20.07.1379); V – отвод Федора Долматова (1462–1471) земель черного села Мелецкого и чудовского села Филипповского; VI – отвод В. И. Голенина (8.02.1504) земель черного села Мелецкого и чудовского села Филипповского; VII – «старая дорога к селу Филипповскому», упоминаемая в правой грамоте Василия I (1416–1417); VIII – трасса Старой Переславской лесной дороги (1381–1382) через Шерну-городок с выделенным участком в районе д. Крутец, упоминаемым в отводной грамоте Михаила Константинова сына Дорожаева (12.02.1378–20.07.1379); IX – поселения, упоминаемые в грамотах на село Филипповское Чудова монастыря и других документах 1379–1504 г. X – поселения, упоминаемые в XVI–XVII в. XI – примерные места расположения средневековых поселений (по данным генерального межевания). XII – граница Шеренской волости с переславской волостью Маринина слобода. XIII – церкви; XIV – монастырь. В качестве подосновы использована карте ГУГК масштаба 1:50 000 1985 г.



могильники у деревень Аниськино (15 и 20 насыпей) и Осеево (104 насыпи). Еще одно гнездо домонгольских поселений известно близ перехода дороги через р. Пехорку (селища и курганный могильник у с. Никольское-Трубецкое, селища Балашиха-1, Горбово-2 и -3, Алексеевка-1).

Около последней четверти XII — первой трети XIII в. здесь, к северо-востоку от Москвы, возникают небольшие городища-убежища, некоторые из которых в XIV в. являлись центрами княжеских волостей. Таковы Громковское городище при пересечении Переяславской дорогой р. Вори, Царевское городище на среднем течении р. Вори, идентифицируемое (для первой трети XIV в.) с центром волости Воря (первое упоминание 1336) и Балашихинское городище, известное в источниках более позднего времени как Никольское Мытище. Есть основания предполагать, что подобный же памятник будет обнаружен у села Городищи (ныне пос. Свердловский) в районе пересечения Переяславской дороги р. Клязьмы³⁰.

Специальное исследование показало, что перед нами тип укрепленных поселений, который отражает новый этап окняжения периода княжения Всеволода Большое Гнездо (1177—1212) и его сыновей³¹. Археологический комплекс в Могутове по размерам укрепленной части (8,6 тыс. кв. м) вдвое больше городищ-убежищ Царево (Воря) и Балашиха (Никольское Мытище) и в 2,5—4 раза меньше летописных городов — таких как Мстиславль, Юрьев, Дмитров, Москва. Другим отличием является наличие на площадке насыщенного культурного слоя. Таким образом он занимает промежуточное положение между центрами прото-волостей и древнерусскими городами.

Не менее существенным является и то, что Могутовский археологический комплекс возникает ранее городищ-убежищ — здесь найден материал середины — второй половины XII в. Таким образом, Могутово отражает более ранний этап окняжения территории, чем городища-убежища.

Во второй половине XIII — первой четверти XIV в. значение Могутовского комплекса снижается до центра волости Шерна, в качестве которого он продолжал функционировать наряду с городищами-убежищами. Однако на следующем этапе — вторая четверть XIV — середина XV в., когда городища-убежища прекратили свое существование в качестве укрепленных пунктов, Могутово продолжало развиваться. Об этом свидетельствует присутствие керамики, близкой комплексам из Шавыкина монастыря и Михайловского-2 (последняя четверть XIV — первая половина XV в.) и обнаружение на памятнике монет Василия I, кн. Петра Дмитриевича и Василия II. Упоминание Шерны в 1389 и 1433 г. как «городка» показывает, что он являлся крепостью. С востока от укреплений располагался посад с церковью, при которой, видимо, существовал некрополь. По своей структуре Шерна-городок в этот период мало отличался от таких «новых» «городков», как Радонеж, укрепления которого были созданы в 1370-е годы, и Вышгород на Яхроме.

В третьей четверти XII в. Шерна располагалась так же, как и Москва, на важнейшей сухопутной коммуникации, связывавшей Ростов и Переяславль с Черниговской землей и Киевом. Судя по всему, именно этим путем совершались походы князей 1174—1175 г. из Чернигова в Суздальскую Русь периода борьбы Мстислава и Ярополка Ростиславичей с Михалком и Всеволодом за наследство Андрея Боголюбского. Если Москва (как это следует из рассказов летописей о событиях 1174—1175 г.) являлась крайним форпостом Владимиро-Суздальского княжества, находившимся непосредственно вблизи Черниговского и Рязанского пограничья, то укрепленное поселение, известное позднее как Шерна-городок, как будто бы прикрывало внутренние

³⁰ Данное поселение в XIV—XV в., скорее всего, являлось одним из административных центров в системе московских городских станов. Об этом косвенно свидетельствует следующее наблюдение: 7 поселений в радиусе 8 км от Городищ имели свои доли в клязьминских лугах, непосредственно примыкавших к Городищам (Указатель планов дач генерального межевания Богородского уезда московской губернии // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 859. Ч. 1; № 220—234 на генеральном плане).

³¹ Этот тип памятников описан в статье: Чернов С. З. Укрепленные поселения XIII—XIV в. Северо-Востока Московского княжества // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI—XVIII в.). Тезисы докладов научной конференции. Москва, 3—5 декабря 1996 г. М., 1986. С. 136—144.



районы княжества — Переяславское и Юрьевское ополья. Следует, впрочем, заметить — и это представляется весьма существенным в плане дальнейшего изложения, что городок располагался не со стороны ополья, а с внешней (по отношению к ядру Суздальской земли) стороны Шернского леса. С военной точки зрения такому расположению крепости довольно трудно найти объяснение, тем более, что, судя по археологическим данным, на окружающих городок территориях в XII в. не наблюдалось большой концентрации сельских поселений, которые нужно было бы защищать. Объяснение подобному расположению Шерны я попытаюсь дать ниже.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОГУТОВСКОГО СФРАГИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Перед тем как обратиться к вопросу об исторической интерпретации Могутовской находки, необходимо сделать несколько замечаний методического характера. Следует иметь в виду, что закономерности в обнаружении печатей на археологических памятниках принадлежат к числу археологических реалий, тогда как реконструируемый по письменным свидетельствам характер юрисдикции той или иной территории — к числу реалий исторических. Помимо различий в методах и процедурах, используемых при этих реконструкциях, сами результаты этих реконструкций, отражающие разные пласты исторической действительности, должны сопоставляться весьма осторожно.

Разумеется, сразу же следует исключить вариант случайного попадания печатей в землю. Все они были найдены в самом центре открытого поселения XII в. — посада городка Шерна, то есть там, где присутствие представителей властных структур представляется в принципе вполне естественным. Замечательной особенностью Могутовского комплекса печатей является то, что все печати обнаружены в пределах компактного участка. Это дает основание связывать их с одной усадьбой. Кроме того, все печати несут следы разрушения свинца, имевшего место в результате химических процессов на контакте с грунтом определенного типа³². Это косвенно подтверждает их принадлежность к одному комплексу (в археологическом значении этого слова).

Компактная находка 28 печатей и пломб, большая часть которых относится к концу XI — середине XII в., наводит на мысль о том, что мы имеем дело с археологическим скоплением печатей и пломб, которое является следами деятельности административного учреждения. Разумеется, лишь после проведения раскопок могут появиться данные, которые позволят строить предположения о типе документации, которая могла здесь храниться (грамоты, регламентирующие вопросы внутренней жизни края и торговую деятельность, место хранения опломбированных товаров или ценностей, предназначенных для выплаты даней, локальный семейный архив и т. д.). Тем не менее, уже теперь княжеский характер этого учреждения кажется весьма вероятным.

Из 12 определимых печатей, найденных на селище Могутово-2, шесть печатей атрибутируются новгородским князьям. К начальному периоду правления в Новгороде князя Мстислава Владимировича (с 1088 г.) относится печать № 1 «протопроедра Евстафия» типа 72. Князю Мстиславу Владимировичу, княжившему в Новгороде в 1088—1094 г. и 1096—1117 г., атрибутируется печать № 2, которая представляет собой 2-й из известных в настоящее время экземпляров типа 117. С князем Всеволодом Мстиславичем, княжившим в Новгороде в 1117—1136 г. связываются пять печатей (№ 3, 4, 5, 6, предположительно 12), несущих изображение Благовещения и св. Федора (они относятся к периоду 1126—1136 г.). Одна из них принадлежит к типу 133, три — к типу 134. Печать № 7 с изображением княжеского знака прямоугольных очертаний неизвестного ранее типа предположительно атрибутируется кому-то из старших Мономашичей. И, наконец, печать № 10 гипотетически связывается со Святославом Ростиславичем (сыном третьего Мстиславича — Ростислава), который княжил в Новгороде с 1158 по 1167 г с перерывом в 1160 г.

³² Благодарю академика В. Л. Янина, указавшего мне на данное обстоятельство.



Поражает не только сам факт обнаружения печатей новгородских князей на территории, которая во второй половине XII в. располагалась в пределах Владимиро-Суздальских земель, но и их изобилие, присутствие печатей, датирующихся в широком хронологическом диапазоне (от 30 до 40 лет) от начала правления кн. Мстислава Великого до периода правления Всеволода Мстиславича, с которым связано 4 печати, а возможно, и до 1160-х годов. Обращает на себя внимание присутствие двух типов печатей Всеволода Мстиславича, а также типов печатей, которые либо были встречены ранее в одном экземпляре (печать Мстислава Великого), либо были вовсе неизвестны (печать с изображением тамги). И, что не менее существенно, среди определимых печатей фиксируются исключительно печати старших Мономашичей, при отсутствии (судим, разумеется, на уровне современных представлений) печатей князей Владимиро-Суздальского дома.

Сначала необходимо ответить на вопрос: не могли ли выступать указанные князья в роли Ростовских?

Что касается Мстислава Владимировича, то он со второй половины 1093 или начала 1094 г. по начало 1096 г. действительно княжил в Ростове, став, по существу, первым Ростовским князем (при Всеволоде Ярославиче Ростовом управляли его наместники). Статья «А се князи в Новгороде» сообщает о нем: «Княжив 5 лет, поиде к Ростову, а Давыд прииде к Новугороду княжить; **и по дву лету выгнаша и. И прииде Мьстиславъ опять, и седѣ в Новѣгородѣ 20 лѣт**»³³. Лаврентьевская летопись сообщает: «Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича [и] поемше ведоша и Новугороду»³⁴.

Осенью того же 1096 г. Олег Святославич вернул Муром, захваченный сыном Владимира Мономаха Изяславом Владимировичем. Изяслав, которому тогда, по-видимому, принадлежала Ростовская область, был убит в бою под Муромом 3.09.1096 г., а Олег захватил Суздаль и Ростов «и посажа посадники по городом и дани поча брати»³⁵. Освободителем Ростовской области от князя Олега Святославича выступает Мстислав. При этом отношение Новгородского и Ростовского княжений в этот период очень ярко проявляется в воспроизведенной в Лаврентьевской летописи речи Мстислава посла к Олегу: «Иди ис Суждаля Мурому а в чюжеи волости не сѣди»³⁶. Новгород и Ростов выступали тогда как единая «волость Всеволожа», принадлежавшая Владимиру Мономаху и управляемая его детьми. В результате похода Мстислава Ростовская «волость Всеволожа» была возвращена и, как свидетельствует послание Владимира Мономаха к Олегу Святославичу, написанное в конце 1096 или начале 1097 г., в ней «сел» Мстислав «с малым братом своим», в котором В. Л. Янин видит Ярополка, а В. А. Кучкин — Вячеслава³⁷. После разгрома Олега Святославича «на Кулачьце» 27 февраля 1097 г. и похода на Рязань Мстислав вернулся из Суздаля в Новгород.

Теоретически печать Мстислава, найденная в Могутове, могла относиться к грамоте, выданной Мстиславом как князем Ростовским в 1094—начале 1096 г. или в 1096 г. между смертью его брата Мстислава и вокняжением в Ростове его «малого брата». Однако этого нельзя сказать относительно 4 печатей князя Всеволода Мстиславича, который княжил в Новгороде в 1117—1136 г., и никогда не был Ростовским князем.

В 1108 г. Владимир Мономах посадил в Ростове своего тогда еще малолетнего сына Юрия, который 12 января этого года был обвенчан с дочерью половецкого хана Аепы. Управление областью тогда находилось в руках тысяцкого Георгия Шимоновича. Если при Владимире Мономахе высшая

³³ Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 161.

³⁴ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 229.

³⁵ Там же. Стб. 237.

³⁶ Там же.

³⁷ Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV в. М., 1984. С. 69—71.



власть над Ростовским княжением находилась в его руках, как князя Переяславского, а с 1112 г. Киевского, то после его кончины в 1125 г. и вокняжения в Киеве Мстислава Владимировича (1125—1132) положение начало меняться, и Юрий постепенно превратился в суверенного правителя³⁸. Поэтому обнаружение печатей кн. Всеволода Мстиславича на Могутовском археологическом комплексе нельзя объяснить (при понимании печатей как части административного архива) чем-либо иным, как присутствием здесь грамот, выданных кн. Всеволодом Мстиславичем как князем новгородским.

Для того чтобы окончательно утвердиться в этом выводе, необходимо сделать последнюю оговорку, коснувшись событий 1132—1135 г., очень важных в плане нашей темы. После смерти киевского князя Мстислава Владимировича и вокняжения в Киеве его брата Ярополка Владимировича (1132—1139) Юрий Долгорукий пытался овладеть Переяславем Южным, но не смог удержаться в нем. В Переяславле был посажен Всеволод Мстиславич, но прокняжив 8 дней уступил этот стол своему дяде Вячеславу Владимировичу. В 1135 г. Юрий Долгорукий предпринял еще одну политическую комбинацию: «Георгии князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочуюю волость свою но не всю»³⁹. Однако в конце этого года Ярополк передал Переяславль младшему брату Юрия Андрею⁴⁰. С этими событиями на юге были связаны два похода Всеволода Мстиславича на Суздальскую землю 1134—1135 г.

Лаврентьевская летопись рассказывает о них следующее: «иде Мстиславичъ Всеволодь и Изяславъ на Ростовъ и на Волзъ воротишася Новгородъци. И иде Всеволодь опять Новгороду а Изяславъ оста на Волопѣ». После описания событий на юге и передачи Переяславля Южного Андрею Владимировичу сообщается: «Тое же зимы бишася Новгородци с Ростовци [на Жьдни горѣ] и победиша Ростовци Новгородѣ и побиша множество ихъ и воротишася Ростовцы с побѣдою великою»⁴¹.

Новгородская I летопись старшего извода рассказывает о походах 1135 г. (под 6642 г.) наиболее развернуто: «Почаша мьльвити о Суждальстѣи воинѣ новгородъци и убиша мужъ свои и съвьргоша и съ моста въ субботу Пянтикостънюю... Томъ же лѣтѣ ходи Всѣволодь съ новгородъци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубнѣ опять». После краткого указания на борьбу Владимировичей с Ольговичами на юге («раздърася вся земля Руськая») новгородский летописец вновь возвращается к теме Суздальской войны: «В то же лѣто, на зиму, иде Всѣволодь на Суждаль ратью, и вся Новгородская область, мѣсяця декабря въ 31; и стапа денье зли: мразь, въялиця, страшно зѣло. И бишася на Ждани горѣ, и много ся зла створи: и убиша посадника новгородскаго Иванка, мужа храбра зѣло мѣсяця генваря въ 26, и Петрила Микульциця и много добрыхъ муж, а суздальць боле; и створише мирь, придоша опять»⁴².

События 1134—1135 г. достаточно подробно изложены в летописцах. Из этих описаний следует, что Всеволод Мстиславич, возглавивший поход, выступал в нем как князь новгородский и намеревался посадить на ростовский стол своего брата Изяслава. Даже если в процессе этого похода имела место практика выдачи на захваченных ростовских владениях грамот, они никак не могли выдаваться от имени новгородского князя Всеволода Мстиславича. Кроме того сам Всеволод Мстиславич в первый раз не пошел далее Волока Ламского, а во второй — далее места битвы на Ждане горе, расположенного на р. Кубре к западу от Переяславля Залесского. Шерна располагалась вне зоны боевых действий 1134—1135 г. Следовательно, появление в Шерне 5 печатей Всеволода Мстиславича никак нельзя связывать с кратким перерывом (если таковой вообще имел место) княжения Юрия Владимировича в части Ростовской области в 1135 г.

Дополнительным и весьма существенным аргументом в пользу данного вывода может послужить тот факт, что в Могутове было найдено два типа печатей кн. Всеволода Мстиславича

³⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV в. С. 71, 75.

³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

⁴⁰ Там же. Стб. 303.

⁴¹ Там же. Стб. 302—303.

⁴² Новгородская первая летопись. С. 23.



(один из оттисков типа 134 выполнен с новой матрицы, а другой — со старой), что свидетельствует о наличии в Могутовском «архиве» документов этого князя, выданных в разное время.

Таким образом, становится очевидным, что перед нами печати, которые могли находиться при грамотах, выданных в Новгороде или на территориях, относившихся к его юрисдикции в период правления Мстислава Великого и Всеволода Мстиславича, а возможно, и Святослава Ростиславича. Возникает закономерный вопрос о причинах появления печатей этих князей в Шерне.

Вряд ли нужно говорить о том, что присутствие печатей того или иного суверена на археологическом памятнике не может автоматически трактоваться как доказательство распространения на соответствующее поселение его юрисдикции. Новгородские грамоты могли храниться на территории Владимиро-Суздальских земель в составе семейного архива, фиксирующего приданое супруги, выданной из новгородских земель, в составе купеческого архива, фиксируя те или иные права их обладателя в новгородских землях, или даже в составе военной добычи (что, впрочем, кажется маловероятным). Следует учесть, что присутствие новгородских документов в столичных архивах Северо-Восточной Руси в период, для которого на этот счет имеются данные (XV в.), оказывается весьма эпизодичным. Тем менее вероятным кажется подобное объяснение для далекого от центров земель лесного городка XII в.

Если от теоретических соображений перейти к практике археологического обнаружения новгородских печатей и пломб на землях Северо-Восточной Руси, то нельзя обойти вниманием белоозерские находки последнего десятилетия. Н. А. Макаров отметил, что из 19 свинцовых печатей и пломб, найденных в Белоозере, 5 несут изображения княжеских знаков прямоугольных очертаний, приписываемых детям Мстислава Владимировича, которые подолгу занимали новгородский стол. В работе 1989 г. исследователь сопоставил эти данные с колонизационным потоком, шедшим в Белоозеро с запада в XI — первой четверти XII в. и пришел к выводу, что «предположение о попытках политического проникновения Новгорода в Восточное Прионежье, сопровождавших расселение здесь выходцев с северо-запада, не лишено некоторых оснований»⁴³. После публикации этой работы в Белоозере были найдены три печати Всеволода Мстиславича, оттиснутые тремя типами матриц, а также три печати Ярополка Владимировича и одна — Ярослава Изяславича⁴⁴. Летописный рассказ 1096 г. со всей очевидностью свидетельствует о вхождении Белоозера в состав Ростовской земли. Тем не менее присутствие новгородских сфрагистических материалов настойчиво ставит проблему политического проникновения Новгорода в этот район в первой половине XII в.

Могутовский сфрагистический комплекс, в котором преобладают печати Мстислава Великого и Всеволода Мстиславича, со всей остротой ставит проблему новгородского политического присутствия в районе Шерны в период правления Мстислава Великого (1088—1117), Всеволода Мстиславича (в 1126—1136 г.) и Святослава Ростиславича (1158—1167), а возможно, и прямой принадлежности Шерны Новгороду в тот или иной период в пределах этого времени (полностью или на правах совладения).

НОВГОРОДСКО-СУЗДАЛЬСКАЯ ГРАНИЦА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII ВЕКА В СВЕТЕ МОГУТОВСКОЙ НАХОДКИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ГРАНИЦА НА ВОЛГЕ ПО ИЗВЕСТИЯМ 1134—1135 И 1149 г. Обращение к работам, посвященным формированию государственной территории Владимиро-Суздальской земли, показывает, что это заключение — как ни парадоксально звучит на первый взгляд — не встречает прямых противоречий в имеющихся источниковых данных. В. А. Кучкин, которому принадлежит последняя обобщающая работа по этому вопросу, приводит карты Ростовской земли конца XI и

⁴³ Макаров Н. А. Новгородская и Ростово-Суздальская колонизация в бассейнах озеро Белое и Лача по археологическим данным // Советская археология. 1989. № 4. С. 100.

⁴⁴ Макаров Н. А., Захаров С. Д. Новые сфрагистические материалы из Белоозера // Истоки русской культуры. М., 1997. С. 239.



середины XII в. Сравнение этих карт (представляющих, разумеется, гипотетические реконструкции) показывает, что на протяжении первой половины XII в. границы Ростовской земли расширились в западном направлении весьма значительно. Если в конце XI в. можно с уверенностью говорить о принадлежности Ростову Переяславских и Юрьевских земель, то к середине XII в. в Ростово-Суздальские земли входили территории, прилегающие к Москве, Дмитрову, а также земли, входившие позднее в состав Тверского княжества (Рис. 6)⁴⁵.

Проблема, однако, состоит в том, что имеющиеся письменные источники далеко не исчерпывающе освещают вопрос о новгородско-ростовской границе первой трети XII в. Поэтому необходимо напомнить читателю, на чем основываются имеющиеся сегодня представления на этот счет.

Определяя границы Ростовской земли в конце XI в., В. А. Кучкин опирается почти исключительно на свидетельство летописи о событиях 1096–1097 г. и, в частности, на рассказ о «сторожѣ» на реке Медведице, из которого следует, что низовья этой реки и участок Волги близ ее устья были в конце XI в. ростовскими. В. А. Кучкин, вслед за А. Н. Насоновым, пишет, что ростовская граница в этот период «по меньшей мере доходила ... до р. Медведицы»⁴⁶.

О походах 1134–1135 г. летописцы дают довольно ясное представление. Первый поход Всеволода Мстиславича не сопровождался военным столкновением с суздальцами. Лаврентьевская летопись сообщает, что новгородцы «на Волзѣ воротишася», а Новгородская I летопись старшего извода уточняет, что новгородцы «воротишася на Дубнѣ» (см. выше). Второй, роковой для новгородцев и политической карьеры Всеволода поход начался 31 декабря 1134 г. и закончился 26 января 1135 г. битвой на Ждане горе, которая находится на р. Кубре, притоке р. Нерли. Поход этот, видимо, также совершался по Волге и далее вверх по ее притоку Нерли. Весь этот путь новгородцы проделали за 26 январских дней. «Такая быстрота передвижения, — отмечает В. А. Кучкин, — свидетельствует о том, что никакого сопротивления новгородской рати на ее пути к Ждане горе оказано не было. Война 1134–1135 г. показала незащищенность владений Юрия Долгорукого на западе»⁴⁷.

А. В. Куза, который анализировал известия 1134–1135 г. с целью определить новгородские пределы, пришел к следующим выводам: «Поскольку новгородцы из-за разногласий вернулись, нет оснований предполагать, что они перешли суздальский рубеж». При такой трактовке текста Дубна и Волок Ламский оказываются пунктами на новгородской территории. По мнению А. В. Кузы, «вся территория данной части верхнего Поволжья принадлежала Новгороду»⁴⁸. Думается, точнее было бы сказать, что в 1134–1135 г. новгородцы не чувствовали себя в районе Дубны на территории, которая активно обороняется суздальцами. Выводам А. В. Кузы не противоречит обнаружение на поселении у с. Ратмино (древней Дубне) печати, атрибутируемой С. В. Белецким новгородскому посаднику⁴⁹.

В 1149 г. поход Изяслава Мстиславича киевского с новгородцами против Юрия Долгорукого застаёт на верхней Волге выше Углича уже 6 городков. Лаврентьевская летопись сообщает: «Иде Изяславъ Новугороду ис Кыева в помочь Новгородцем на Гюргя, а во ем повелѣ по собѣ ити. И поидоша по нем и похромоша кони у них. И сам с новгородци дошедь Волгы и повоевавъ ю и не успѣ ничтоже Гюргеви. И дошед Оуглеча поля поворотися Новугороду и иде Смолинську и зимова ту»⁵⁰. Новгородская I летопись старшего извода повествует об этом походе подробнее: «Тои же зимѣ приде Изяслав Новугороду, сынѣ Мстиславль, ис Кыева, иде на Гюргя к Ростову с новгородьци; и мьного воеваша людье Гюргево, и по Волзѣ възяха 6 городкъ, оли до Ярославля попустиша, а головъ възяха

⁴⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV в. С. 74. Рис. 1. С. 99. Рис. 2.

⁴⁶ Там же. С. 70.

⁴⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV в. С. 80.

⁴⁸ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII в. М., 1975. С. 196, 197.

⁴⁹ Белецкий С. В., Крымов Е. Ю. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // Советская археология. 1990. № 3. С. 233–246. См. также: Успенская А. В. Древнерусское селище близ г. Дубна // Труды / ГИМ. М., 1966. Вып. 40. С. 105–111.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 320.



7000, и воротипаша роспутия дѣля»⁵¹. По предположению В. А. Кучкина среди этих городков были Тверь, Шоша и Дубна⁵², а по П. Д. Мальгину — укрепленные городки в районе Кснятина⁵³.

Значительно сложнее судить о новгородско-ростовской границе первой трети XII в. к югу от Волги, так как в источниках нет упоминаний об этих территориях до середины 40–50-х г. XII в., когда Юрием Долгоруким осуществляется колоссальная градостроительная программа: переносится на новое место Переяславль (1152), возводится Юрьев (1152), основывается Дмитров (1154), укрепляется Москва (в 1156 или ранее). Однако имеется целый ряд ретроспективных свидетельств о былом новгородском присутствии в этом крае, которые до сего времени не могли получить сколько-нибудь внятного объяснения.

СВИДЕТЕЛЬСТВА НОВГОРОДСКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА ЗЕМЛЯХ, ПОЗДНЕЕ ВОШЕДШИХ В МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО, И МОГУТОВСКАЯ НАХОДКА. Здесь прежде всего нужно указать на загадку древнего новгородского анклава в районе Волока Ламского, где новгородское присутствие в рамках совладения с великими владимирскими, а позднее московскими, князьями, сохранилось до середины XV в. Возникает вопрос о принадлежности территории, лежавшей между землями Волока Ламского и Смоленской волостью Исконой, с одной стороны, и Переяславской границей — с другой. К востоку от Волоцкой границы⁵⁴ лежали земли позднейшего Дмитровского княжества. Волость Искона, упоминаемая в Уставе Ростислава Мстиславича Смоленского 1136 г. в составе Смоленского княжества, располагалась в бассейне одноименного левого притока р. Москвы⁵⁵. К востоку от нее лежали земли, которые вошли в 1270-е годы в удел князя Даниила Александровича. Судя по духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты 1336 г., они состояли из рузских и звенигородских волостей, территории, известной несколько позднее как Московские городские станы, и северо-восточных волостей, которые после 1340 г. были переданы княгине Ульяне (Радонежская и Вохонская церковные десятины)⁵⁶. По данным летописного рассказа 1209 г. в число Московских земель на востоке входила Дрезна, расположенная на пограничье с владимирской волостью Сенег⁵⁷. Шернская волость, расположенная у Переяславского пограничья (переяславские волости Маринина слобода и Аргуновская в XV в. выходили к Клязьме), ограничивала очерченную территорию с востока.

Особый интерес представляют в связи с этим данные о районе, расположенном при впадении в р. Москву р. Сходни, там, где к р. Москве выводила старая дорога из Волока Ламского⁵⁸. Центральное поселение этого района было обнаружено на территории Спасского на Восточные монастыря, располагавшегося в XV–XVI в. на высоком берегу Москвы-реки (на окраине сохранившегося до наших дней с. Спас). Поселение (видимо, укрепленное), возникшее здесь на

⁵¹ Новгородская первая летопись. С. 28.

⁵² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV в. С. 80–82.

⁵³ Мальгин П. Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII в. // Становление европейского средневекового города. М., 1979. С. 152.

⁵⁴ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 70–71.

⁵⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. I. С. 214. Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // *Slowianie w dziejach Eurgory. Poznan*, 1974; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII в.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 61, 62. Археологические данные об этом районе см.: Алексеев А. В. Результаты археологических разведок на территории Можайского района Московской области // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. Ч. 3. С. 84–87.

⁵⁶ Кучкин В. А. Московское княжество в 30-е г. XIV в. Карта // История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. I. С. 36, 37.

⁵⁷ Зайцев А. К. О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XIII в. (Голубино, Волочок и Уполозы) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 года. М., 1989. С. 64–70.

⁵⁸ Чернов С. З. Свод памятников археологии Спас-Тушино — Востодни // Проект Зон охраны памятников археологии в районе Митино / Ин-т генплана г. Москвы. 1994. Т. III.



месте дьяковского городища, датируется XII в.⁵⁹ К западу от городища, в долине ручья Барышиха, выявлен комплекс из 3-х курганных могильников и 5 селищ. Наибольший интерес представляет 1-й и 2-й Спас-Тушинский курганный могильник (72 насыпи) и селище⁶⁰. Раскопки, проводившиеся на могильнике, дали богатые наборы вятичских украшений XII — первой трети XIII в., а также конца XI — начала XII в.⁶¹ Несколько севернее, близ трассы Волоцкой дороги (ныне Пятницкое шоссе), в 1885 г. был исследован 1-й Митинский курганный могильник («Великая могила»), который содержал труположения на материке. По присутствию семилопастных височных колец и другим элементам убора все эти курганы исследователи относят к кругу вятичских⁶². На левом берегу р. Сходни расположено Тушинское городище, на котором прослежен слой XII—XIII в., а на правом берегу р. Москвы, у д. Мякинино, — селище и курганная группа того же времени. На противоположной от Спасского монастыря стороне Москвы-реки найдено 2-е Мякининское селище на Литвиновом лугу. В 1994—1998 г. в связи с тем, что памятник вошел в зону прокладки линии метрополитена, на нем были проведены широкомасштабные археологические раскопки⁶³. Здесь были исследованы ямы от жилых и хозяйственных строений, в которых найдены фрагменты древнерусских стеклянных браслетов, обломки железных ножей, глиняных грузил, стеклянные бусы, шиферное пряслице, бронзовые решетчатые перстни.

Таким образом, в районе Выходни фиксируется археологический комплекс, включающий открытое и укрепленное поселения конца XI—XII в. Подобные поселения типа торговых и земледельческих факторий играли значительную роль на ранней стадии градообразования в различных районах Древней Руси. В среднем течении Москвы-реки они явились своего рода предвестниками образования города.

Это доказывают и более поздние источники. Первое упоминание монастыря «Святого Спаса иже на Выходнѣ» содержится в Рогожской летописи под 1390 г.⁶⁴ Из духовной грамоты кн. Бориса Волоцкого 1477 г. известно, что Василий II благословил князя Бориса Волоком Ламским «с мытом с Воиницким, что у Сп(а)са на Выходнѣ»⁶⁵. Обладание правом на получение доходов от этого мыта являлось составной частью прав великих московских князей на «половину» Волока Ламского, которое может быть прослежено до времени великого князя Ивана Калиты⁶⁶.

Как известно, право «сместного» владения Волоком Ламским великими владимирскими князьями и Новгородом возникло значительно раньше — во второй половине XII в. Учитывая расположение мыта на Выходне вблизи Москвы, можно предполагать, что доходы с него являлись прерогативой великих владимирских князей (как часть великокняжеской «половины» Волока Ламского) до образования в 1270-х г. Московского удельного княжества, то есть в период, когда земли самой Москвы входили в Великое Владимирское княжение. Таким образом, реконструируется второй (помимо Волока Ламского) новгородский анклав в пределах позднейших Московских земель.

⁵⁹ Виноградов К. Я. Работы в Московской области в 1929 г. // Архив ИИМК. Ф-2. Д. 199; Косинский В. Отчет за 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1773. С. 6, 20. Таб. 1. № 9.

⁶⁰ Кренке Н. А. Отчет 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Не оприходован.

⁶¹ Смирнова Г. П. Отчет 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2342; Векслер А. Г. Отчет 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2342; В материалах раскопок 1894—1897 г., хранящихся в ГИМе, выделяется комплекс, содержащий 5-лопастное височное кольцо 1-го типа и 7-лопастное височное кольцо 2-го типа (без колечек), что позволяет датировать погребение кон. XI — нач. XII в. (ГИМ. Инв. № 42436. Оп. 40 — по картотеке Т. В. Равдиной).

⁶² Кельсиев А. И. Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. М., 1885. Т. 10. С. 30—44.

⁶³ Векслер А. Г. Отчет об археологических исследованиях на селище Мякинино-2 в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19051, 19052.

⁶⁴ ПСРЛ. Изд. 2. Т. XV. Вып. 1. Пгр., 1922. Стб. 158.

⁶⁵ ДДГ. № 71. С. 250. Мыт упоминается также в докончаниях 1473 и 1481 г. (см.: Там же. № 69. С. 226, 228, 230; № 73. С. 269, 272, 274).

⁶⁶ Чернов С. Э. Волок Ламский в XIV—начале XVI: административно-территориальное устройство и структуры землевладения // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 65, 66.

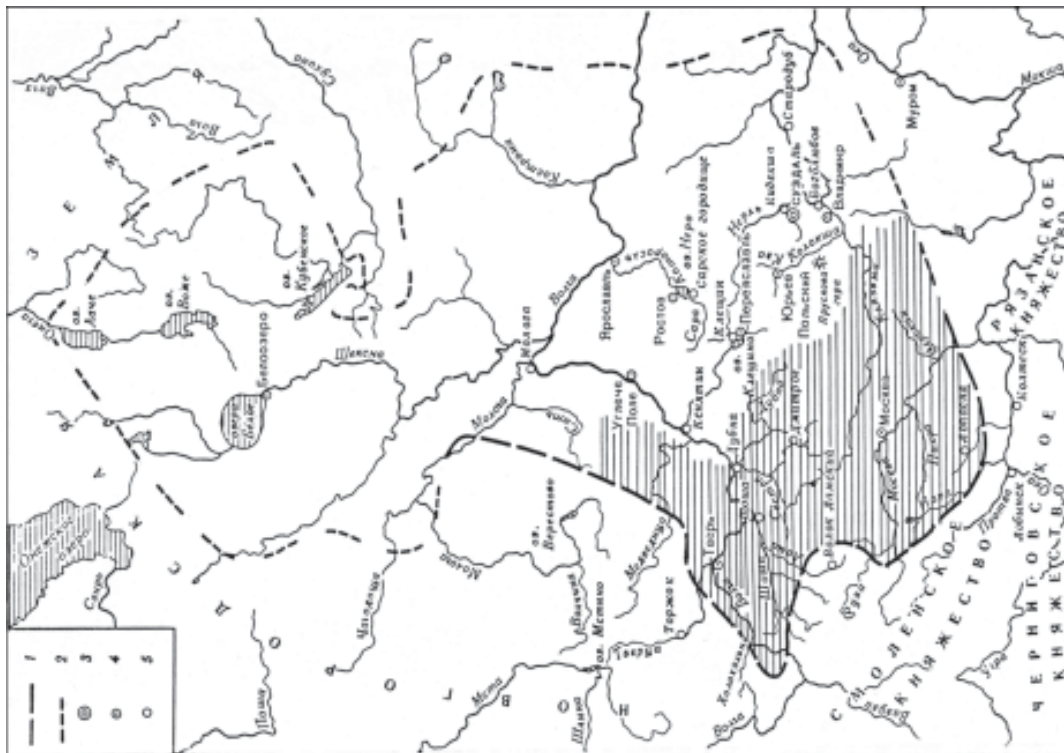
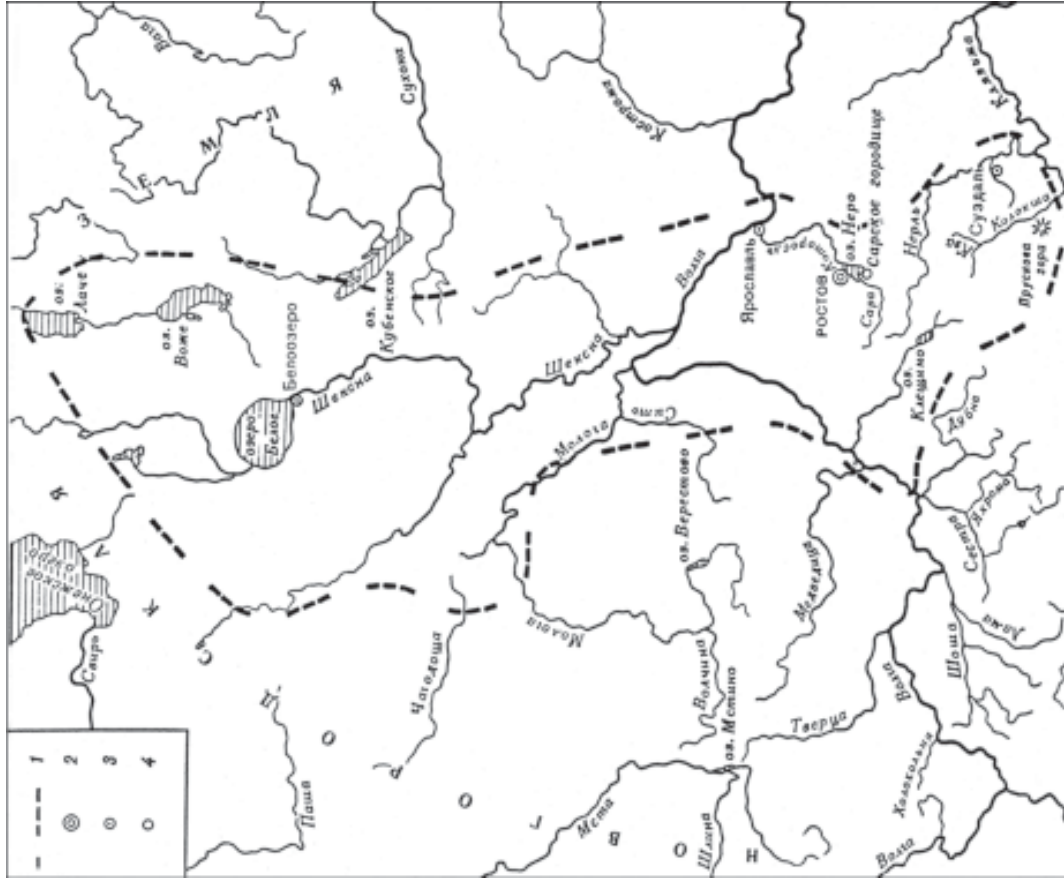


Рис. 6. **Справа:** Ростовская земля конца XI в. (по В. А. Кучкину). 1 — границы; 2 — столица земли; 3 — города — административные центры, 4 — прочие города; **Слева:** Суздальское княжество середины XII в. (по В. А. Кучкину). 1 — граница, определяемая более точно; 2 — граница, определяемая приблизительно; 3 — столица княжества, 4 — города-административные центры, 5 — прочие города. Штриховкой показана территория западной части Волго-Окского междуречья, которая не была включена В. А. Кучкиным в пределы Ростовской земли конца XI в.



Естественно задаться вопросом: сохранялись ли следы новгородского присутствия (фактического или номинального) на Шерне в XIII–XIV в.? Никаких данных на этот счет в распоряжении исследователей нет. Однако можно ли отсутствие данных трактовать как однозначно отрицательный ответ на этот вопрос? Ведь о былом сместном владении Воиницким бытом мы знаем не из документов XIII–XIV в., а благодаря грамотам 1470–1480-х годов. Характерно, что сам Волок Ламский, находившийся в сместном владении Новгорода и великих владимирских князей, не упоминается в духовных грамотах Ивана Калиты, Симеона Гордого и Ивана Красного и появляется лишь в духовной Дмитрия Донского, закрепившего за московской династией великое владимирское княжение. Может быть, причина молчания о Шерне тех же документов и появления «Шерны-городка» в духовной Дмитрия Донского связана с особым статусом этого анклава, близкого Волоку Ламскому и Воиницкому мыту?

После обнаружения новгородского сфрагистического материала 1088–1136 и, возможно, 1158–1167 г. в Шерне, данные о Выходне приобретают совершенно иное звучание. Дело в том, что контроль над Шерней (если это предположение подтвердится дальнейшими изысканиями) представлял собой не что иное, как контроль за участком дороги из Киева и Чернигова в Переяславль и Ростов. Воиницкий мыт был устроен у выхода Волоцкой дороги к р. Москве, в непосредственной близости от того места, где эта дорога переходила через р. Москву (заметим, кстати, что лишь с 1147 г. мы можем достаточно уверенно говорить, что дорога эта переходила р. Москву под Боровицким холмом). Было бы весьма странным, если новгородцы, закрепившись на Волоке Ламском, на устье Сходни в р. Москву и в Шерне, не владели бы местом перехода Киево-Ростовской дороги через р. Москву (где бы точно оно ни находилось).

Таким образом, гипотеза о принадлежности старшим Мономашичам, княжившим в Новгороде до 1138 г. и позднее, опорных пунктов на Киево-Ростовской дороге в районе среднего течения р. Москвы и верхней Клязьмы заслуживает серьезного рассмотрения.